

Источники и литература

1. Современная книга по эстетике. Антология: Пер. с англ. Э.Н.Глаголевой, В.М. Закладной, Ю.С. Ивановой /Общ. ред. А.Егорова. – М.: Изд-во Иностранная литература, 1957. – 603 с.
2. Кассирер Э. Философия символических форм. – Т. 1. Язык. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 272 с.
3. Асмус В.Ф. Платон. М., Мысль, – 1975. – 220 с.
4. Энциклопедия символизма: Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка /Ж. Кассу, П. Брюнель, Ф. Клодон и др.; Науч. Ред. И авт. Послесл. В.М. Толмачев; Пер. с фр. – М.: Республика, 1998. – 429 с.: ил.
5. Уваров Л.В. Образ, символ, знак. – Минск: Наука и техника, 1967. – 120 с.

Силин В.В.**ЧТЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

В истории литературоведения неоднократно отмечаются случаи отвержения одних исследовательских методов и идеализации других. Примером этому может служить Русская формальная школа, которая самым решительным образом противопоставила контекстуальному исследованию литературы ее имманентное изучение. Как писал В.Л. Руднев, «формальная школа резко отмежевалась от старого литературоведения, лозунгом и смыслом ее деятельности объявлялась спецификация литературоведения, изучение морфологии художественного текста» [8, с. 522]. Так же резко постструктуралист Жак Деррида критиковал структурализм, называя структуралистскую модель «пародией» на живое высказывание, поскольку, по его мнению, многозначность высказывания не вмещается в рамки этой модели [6, с. 357].

Вместе с тем, некоторые методологии выходят за рамки своих исследовательских принципов. Например, известный критик формализма П.Н. Медведев считает, что у этой школы имманентное исследование дополняется контекстуальным, несмотря на то, что оно было изначально отвергнуто как необъективное. Медведев заявил, что «литературная эволюция, как ее понимают формалисты, не может быть названа имманентно-литературной», потому что она у них объясняется «не специфической природой литературы, а психическим законом «автоматизации – ощутимости», законом самого общего характера, который ничем не связан со спецификой литературы» [5, с. 157]. При практическом анализе текстов постструктуралисты не отказываются от психоанализа Фрейда. Так поступает, в частности, Цветан Тодоров, который в своей книге «Введение в фантастическую литературу» (1970) пишет, что для интерпретации фантастических произведений «использование психоанализа нам может быть полезным» [14, с. 159].

Наконец, распространенным является мнение о принципиальной необходимости сочетания различных методологий для многосторонней, а следовательно, более адекватной интерпретации произведений. Это мнение выразил В.Е. Хализев, подчеркнув, что «наука о литературе нуждается в активном сопряжении, синтезировании имманентного и контекстуального изучения художественных творений» [11, 306].

В данной статье предлагается продолжить исследование, начатое в статье «Понимание и интерпретация», в которой потенциальная возможность сочетания методологий объясняется тем, что контекстуальная, имманентная и интертекстуальная интерпретация литературных произведений опирается на *различные* доказательные базы – контекст, текст и интертекст, и ориентируется на *различные* концепции понимания – реконструкция, конструкция и деконструкция [9]. Дальнейшее исследование причин возможности или невозможности сочетания различных методологий изучения литературных произведений осуществляется путем структурного анализа процесса чтения.

Чтение предшествует творческому процессу интерпретации, являясь *спонтанной* рецепцией, субъективной и целостной по своей природе, однако его можно условно разделить на контекстуальное, имманентное и интертекстуальное в соответствии с основными направлениями интерпретации. Признаки такого разделения присутствуют в характеристике интертекстуальности, данной Юлией Кристевой, когда она указала, что «статус слова определяется а) *горизонтально* (слово в тексте одновременно принадлежит и субъекту письма, и его получателю) и б) *вертикально* (слово в тексте ориентировано по отношению к совокупности других литературных текстов – более ранних или современных)» [3, с. 429]. В вертикальной оси этой теории легко угадывается интертекстуальное чтение, а что касается горизонтальной, то она, очевидно, представляет одновременно имманентное чтение, направленное на постижение структур текста, созданного «субъектом письма», и контекстуальное, поскольку «получатель» при чтении опирается на свой жизненный опыт. Имманентное чтение следует считать *глубинным*, так как оно нацелено на постижение содержания структурных элементов текста и их функциональных связей. Оно является также *аналитическим*, так как предоставляет объективную информацию, почерпнутую из текста. Объективность этого чтения, конечно, относительна, так как непосредственно зависит от компетенции читателя, самостоятельно определяющей жанровую характеристику текста, идейный конфликт, структуру сюжета, систему персонажей, инскажательные образы, хронотоп, а также семантику более глубинных структур текста. Контекстуальное чтение характеризуется как *ассоциативное* и *поверхностное*, поскольку оно направлено на событийный аспект содержания и опирается на субъективный контекст, то есть на жизненный опыт читателя, который помогает ему постигать содержание произведения. Только это чтение может быть эмоциональным ввиду приложения личного опыта к восприятию событий произведения. Интертекстуальное чтение – также *аналитическое*,

поскольку, как имманентное, опирается на относительно объективную информацию, только источником является не текст, а интертекст. Интертекстуальная амбивалентность, на которую указывает Кристева, по всей очевидности, образуется на пересечении интертекстуального чтения с имманентным, когда в структурах текста обнаруживается цитация, привносящая в него дополнительный смысл. Следует подчеркнуть, что интертекстуальность определяется на основании именно объективных данных текста и интертекста. Появление амбивалентности на пересечении интертекстуального чтения и контекстуального сомнительно ввиду субъективного и поверхностного характера последнего.

В плане взаимодействия чтений особое внимание обращает на себя контекстуальное чтение. В частности, текст, который, безусловно, является объектом всех трех чтений, только при контекстуальном чтении называют «произведением». Текст служит для имманентного и интертекстуального чтения основой объективности значений структурных связей и интертекстуальностей, а контекстуальное привлекает субъективный опыт читателя, который превращает текст в произведение. Это различие хорошо просматривается в определении Ю.М. Лотмана, представленном Хализевым. Лотман пишет: «Следует решительно отказаться от представления о том, что текст и художественное произведение – одно и то же. Текст – один из компонентов художественного <...>, художественный эффект в целом возникает из сопоставлений текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений» [11, с. 255]. Вполне очевидно, что текст как «один из компонентов художественного» является объектом имманентного и интертекстуального чтения вне контекстуального. Но контекстуальное создает «художественный эффект в целом», то есть превращает текст в произведение путем его сопоставления со «сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений», то есть с контекстом.

Данное представление лежит в основе теории *рецептивной эстетики*, которая считает основой восприятия смысла текста субъективный опыт читателя, превращающего в процессе чтения «мертвый» текст в «живое» произведение. Это положение Манфред Науман объясняет следующим образом: «Текст в интерпретации действительно субъективируется, но именно благодаря этой субъективации он объективно и превращается в произведение, в «эстетический объект», как говорил Мукаржовский, что в общем означает только одно: лишь прочитанный, то есть «означенный» и оцененный текст и есть настоящее произведение» [7, с. 198]. Как пишет А.В. Дранов, «рецептивная эстетика порывает с представлениями о независимости искусства от общественно-исторического процесса, вводя в сферу исследования читателя и общество, представляя литературный текст как продукт исторической ситуации, зависящей от позиции интерпретирующего читателя» [2, с. 127].

Основным понятием рецептивной эстетики является интенциональность, подразумевающая творческий характер чтения. В формулировке Дранова «интенциональность – это направленность, устремленность сознания на предмет, позволяющая личности создавать, а не только пассивно воспринимать окружающий внешний мир, наполняя его «своим» содержанием, смыслом и значением» [2, с. 129]. Именно эта идея служит обоснованием коммуникативной сущности искусства, которая отвергается постструктурализмом, так как рецептивная эстетика поставила «в центр внимания проблему бытия произведения как результата коммуникации между автором и читателем, как выстраивания читателем «смысла произведения» [2, с. 129]. Согласно этой теории, коммуникация реализуется, когда горизонт ожидания произведения вступает в контакт с горизонтом ожидания читателя. Как отмечает Дранов, «в ходе взаимодействия этих двух горизонтов и осуществляется рецепция произведения и формирование эстетического опыта читателя» [1, с. 31].

Контекстуальное и интертекстуальное чтение роднит то, что они опираются на внетекстовую информацию, которая позволяет путем ее сопоставления с текстом полнее раскрыть его содержание. Однако эти чтения имеют существенные различия, которые проявляются ввиду разной природы контекста и интертекста, служащих информативной основой для выявления содержания, происходящего из их сопоставления с текстом в процессе его чтения. Контекст представляет собой субъективный опыт ассоциативного характера, на который опирается читатель для понимания смысла текста. Интертекст, напротив, являет собой материал, который служит объективным документальным доказательством тому, что текст состоит из цитаций. Другое отличие контекста состоит в том, что он занимает *подчиненное* положение по отношению к тексту, так как контекст привлекается для понимания текста при его чтении. Положение контекста можно назвать также *приближенным* к тексту. Недаром в формулировке контекста, приведенной в «Словаре литературоведческих терминов» (1974), выражается бытующее в литературоведении мнение, что «контекстом можно считать произведение в целом» [10, с. 155]. По этому поводу следует отметить, что представление произведения и его контекста как единого целого не лишено основания, так как оно отражает целостность индивидуального мышления, которое в процессе чтения соединяет субъективный контекстуальный опыт с текстом произведения. Дело в том, что постижение произведения опирается на воображение индивидуума, который представляет себе не только образы, время и пространство, относящиеся непосредственно к тексту, но и массу образов ассоциативно-чувственного характера, выходящих за пределы хронотопа текста. Именно поэтому, обогащаясь новым жизненным и литературным опытом, мы обнаруживаем в одном и том же произведении больше информации, или иную информацию. Тесный контакт текста и контекста необходим для реализации коммуникативной функции произведения. Такое понимание контекста вполне соответствует определению «Лингвистического энциклопедического словаря» (1990), согласно которому «контекст – необходимое условие коммуникации» [4, с. 238]. Что касается интертекста, то он занимает *доминирующее* положение по отношению к тексту и предполагает его априорное знание. Если такого знания нет, то в анализируемом тексте невозможно обнаружить цитаций. Интертекст *удален* от текста, а его приближение грозит последнему разрушением: путем документальных доказательств интертекст «отнимает» у текста все ранее употребленные структуры, объявляя их заимствованиями из других текстов, вследствие чего текст как бы растворяется в интертексте, поскольку происходит его деконструкция и

как бы растворяется в интертексте, поскольку происходит его деконструкция и деперсонализация.

Отмеченные различия контекста и интертекста обусловили характер функционирования контекстуального и интертекстуального чтения. Контекстуальное чтение является *полным*, то есть охватывает весь текст. Это значит, что читатель следит за жизнеподобными событиями, описанными в тексте, постоянно прилагая для этого свой жизненный опыт, то есть контекст. Интертекстуальное чтение является *неполным*, поскольку реализуется только в тех случаях, когда в структурах текста обнаруживаются интертекстуальности в виде «явной неоднородности» (термин Ж. Отье-Ревю) [12]. Неполнота интертекстуального чтения проявляется в том, что каждая отдельная смысловая амбивалентность, обнаруженная в тексте, имеет свое терминологическое определение в зависимости от производимого эффекта – цитата, аллюзия, ирония, пародия и т.д. Гипотетически интертекстуальное чтение может быть полным только при сплошном распознавании «конститутивных неоднородностей», или имплицитных интертекстуальностей, которые представляет амбивалентным каждое слово текста, однако на практике такое чтение невозможно, так как текст полностью растворяется в интертексте и лишается собственного содержания. Ввиду неполноты интертекстуального чтения, очевидно, постструктуралисты и не стремятся к пониманию текста, рассматривая только его как «полую» динамическую модель, производящую многозначность. Кроме того, интертекстуальное чтение невозможно *без имманентного*. Оно ограничивается простой констатацией принадлежности определенной формы данного текста другому тексту, но только имманентное чтение способно обнаружить смысловую амбивалентность этой формы. Амбивалентность образуется потому, что поставляемые интертекстом формы всегда используются в новом тексте по иному поводу, для утверждения иных идей, даже цитаты в строгих научных текстах. Например, интертекстуальное чтение фиксируется в романе Лоренса Стерна «Сентиментальное путешествие» (1768), главный герой которого был назван «пастором Йориком», заимствованную у Шекспира и популярную у сентименталистов фразу Гамлета «Бедный Йорик!». Но только имманентное позволяет определить интертекстуальную амбивалентность слова «Йорик» и производимый им иронический эффект, так как пастор предстает несчастным и смешным, как Йорик, хотя пастор не шут, и он жив, а Йорик давно умер.

Контекстуальное чтение имеет одну важную особенность, на которую указал Майкл Риффатерр [13, с. 496]. По его утверждению, это чтение обеспечивает *автономию* текста, которая отвергается интертекстуальным чтением. Оппозицию между автономией текста и его интертекстуальной зависимостью он представил в виде «линейного» или контекстуального чтения, которое «происходит из реальных или воображаемых связей слова с их невербальными соответствиями», и «литературного» или интертекстуального, которое «происходит из отношений между теми же словами и вербальными системами вне текста». Однако Риффатерр попытался решить проблему не с позиций характеристики контекстуального и интертекстуального чтения, хотя и употребил эти термины, а с помощью грамматики. И попытка оказалась неудачной, так как в обоих чтениях он обнаружил некое единство, а именно, *силлепсис* слова, то есть наличие в тексте только смысловых и отсутствие грамматических связей как с невербальными контекстуальными, так и с вербальными интертекстуальными соответствиями. В итоге исследователь заявил о «неразрешимости» слова и, следовательно, обоих чтений.

Тем не менее, Риффатерр прав, что автономия текста обеспечивается контекстуальным чтением. Чтобы доказать это, необходимо прежде всего отказаться от его не совсем корректных определений. Во-первых, он ограничил интертекст только литературой, исключив невербальные аспекты культуры, несмотря на то, что в художественных текстах можно обнаружить интертекстуальные связи с иными, невербальными соответствиями. Например, Гийом Аполлинер писал стихи-каллиграммы, считая себя «живописцем» в литературе, а Ричард Олдингтон назвал свой роман «Смерть героя» (1929) «романом-джазом», так как часто и резко менял стиль повествования в соответствии с «порывистой экспрессией», свойственной джазу. Во-вторых, Риффатерр считает контекст исключительно невербальным, хотя давно доказано, что мышление вербально. Таким образом, в отношении вербальности и невербальности контекст и интертекст находятся в одинаковом положении и оба необъятно широки.

Наиболее очевидным доказательством того, что автономия текста обеспечивается контекстуальным чтением, является возможность контекстуального чтения без интертекстуального и имманентного. Например, дети читают «Путешествия Гулливера» (1726) Джонатана Свифта как сказку, довольствуясь, безусловно, контекстуальным чтением, хотя литературоведам хорошо известно, что этот сатирический философский роман насыщен интертекстуальностями. Интертекстуальное чтение, в частности, позволяет обнаружить, что все четыре путешествия Гулливера имеют структуру, заимствованную из романа Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» (1719). Речь идет о дальнем морском путешествии и кораблекрушении, после которого герой один оказывается на неизвестном острове. Имманентное чтение помогает распознать смысловую амбивалентность, которая заключается в одном отличии структур: у Дефо герой живет на необитаемом острове, а у Свифта Гулливер обнаруживает на островах иные цивилизации. Данная амбивалентность выражает ироническое отношение Свифта к колониалистскому мировоззрению Робинзона, а вместе с ним и Дефо, согласно которому земля, принадлежащая нецивилизованным «дикарям», считается необитаемой, и, следовательно, может быть колонизована.

Что касается имманентного чтения, то оно ориентировано непосредственно на анализ текста. Это аналитическое чтение, которое требует от читателя знания литературоведческих понятий, характеризующих форму произведения на уровнях художественной речи, образности и композиции. Эти понятия позволяют определить синтагматику текста, то есть элементы его структуры и их связи, семантику текста, которая является в содержании, выражаемом взаимодействием структурных элементов, прагматику текста, опреде-

ляющую его коммуникативную функцию. К таким понятиям относятся и интертекстуальные амбивалентности, которые определяются на пересечении имманентного чтения с интертекстуальным. Имманентное чтение охватывает *весь текст*, но ввиду потенциальной субъективности чтения как явления, читатель способен представить лишь одну абстрактную структурную модель текста, хотя другие читатели могут выявить в нем иные модели. Поэтому имманентное чтение следует признать важным компонентом, поставляющим объективную информацию, *дополняющую* контекстуальное.

Таким образом, можно сделать вывод, что чтение в целом несовершенно в силу своей субъективности. Контекстуальное чтение приблизительно и интуитивно, потому что опирается на контекст, представляющий собой личный жизненный опыт читателя, но это *основное* чтение, которое обеспечивает автономиию текста и превращает его в произведение. Имманентное и интертекстуальное чтение привносят объективную информацию, почерпнутую из структур текста и из культурно-исторического интертекста, что делает чтение более совершенным. Но эти чтения следует считать *дополнительными*, так как автономное контекстуальное может обходиться без них ввиду аналитической природы имманентного и интертекстуального чтений, которые требуют от читателя специальных знаний. Однако единство чтения указывает на потенциальную возможность сочетания любых методологий контекстуальной, имманентной и интертекстуальной интерпретации литературных произведений, выбор которых зависит только от поставленных исследовательских задач.

Источники и литература

1. Дранов А.В. Горизонт ожидания // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М.: Интрада – ИНИОН, 1996. – с. 31- 33.
2. Дранов А.В. Рецептивная эстетика // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М.: Интрада – ИНИОН, 1996. – С. 127-138.
3. Кристева, Юлия. Бахтин, слово, диалог и роман.// Французская семиотика: От структурализма к пост-структурализму. – М.: изд. группа «Прогресс», 2000. – С.427-457.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 682 с.
5. Медведев П.Н. Формализм и формалисты. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. – 209 с.
6. Мітосек, Зофія. Теорії літературних досліджень. – Сімферополь: Таврія, 2003. – 408 с.
7. Науман, Манфред. Литературное произведение и история литературы. – М.: Радуга, 1984. – 423 с.
8. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 2003. – 608 с.
9. Силин В.В. Понимание и интерпретация // Культура народов Причерноморья, № 138, 2008. – с. 55-60.
10. Словарь литературоведческих терминов. – Ред. Л.И.Тимофеев и
11. С.В.Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
12. Хализев В.Е. Теория литературы. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2004. – 405 с.
13. Autier-Revuz J. Hétérogénéité montrée et hétérogénéité constitutive : éléments pour une approche de l'autre dans le discours // DRLAV, № 26, 1982. – p. 91-151.
14. Riffaterre M. La syllepse intertextuelle // Poétique, № 40, 1979. – 496-501 p.
15. Todorov, Tzvetan. Introduction à la littérature fantastique. – Paris : Seuil, 1970. – 188 p.